

ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ДО ВОЙНЫ»

Фото М. А. Мицкевича. Уборка снега в блокадном Ленинграде.

В поезде раненые солдаты нам очень хорошо помогали, давали эмалированное ведро супа-заварухи на всех, лук репчатый пекли на буржуйке.

Очень часто наш поезд ставили на запасный путь. Недалеко от Тихвина стояли долго — все дома вокруг сожжены, нам сказали, что тут в 4 км была передовая. Простаивали сутками, дров нет, угля нет, стали ломать доски, на которых спали. Возле Тихвина начальник состава подал команду: «Буржуйки затопить, из вагона не выходить!» Состав пошел, но не более суток, снова встали. Долго стояли под Ленинградом. Прибыли в Ленинград в декабре 1943 года.

Ленинград встретил сурово — темно, только маскировочные лампочки. Разместили нас в доме у Пяти углов, раньше тут была швейная фабрика, все швейные машины мы вытащили, потом их увезли. Спали по две девочки в одной постели, было очень много крыс, на одном матрасе спали, другим укрывались.

Сразу же включились в работу, дали нам мужчину-инвалида без одной ноги, но он был специалистом по строительству, восстанавливали стену на Можайской. Мастер нас обучал всем хитростям составления раствора, потом показывал, как правильно укладывать кирпич, какие зазоры оставлять для раствора.

В начале января 1944 года нас собрали в зале, были директора ремесленных училищ и ФЗО. Директор училища №30 подошел ко мне и говорит: «Хочешь быть токарем? Работа интересная». Я дала согласие поступить в создающуюся группу токарей.

Весь персонал ремесленного училища относился к нам с душевной теплотой. Кастелянша подгоняла все наши вещи, так как мы были худые и маленькие. Каждому подбিরали станок, у меня был токарный Т-4. Сначала училась торцевать заготовку, правильно устанавливать болванку, резец в суппорт, затем — правильно точить болванку...

Когда была снята блокада, 27 января 1944 года, мы, конечно, плакали, смеялись, радовались; нам сделали хороший обед. Все ждали салют, и он был такой мощный, красивый, от радости текли слезы. Весь народ Ленинграда был на улице! Сходила к тете Кете, она мне подыскала обувь. Сидели мы с ней — обе плакали, у нее никого нет, а мне как жить в глазах бабушки, которая отдала всю жизнь мне и матери?

Ленинград стал восстанавливаться, какие-то дома ремонтировали, какие-то сносили, очищали улицы, проспекты, сажали деревья, кустарники. Каждый учащийся, преподаватель должны были отработать по 24 часа в месяц, помимо своей работы. Убирали, чистили стадион им. В. И. Ленина. Давали нам книжки-чеки штрафные. Тех, кто бросал папиросы, спички, коробки, штрафовали, отрывали чеки, записывали Ф.И.О., где работает, штраф — 3 рубля.

На первом курсе техникума я очень болела, плохо слышала и говорила шепотом; директор отправил меня в Военно-медицинский госпиталь-институт на Бронницкой улице, там мне сделали операцию, но я не могла глотать.

Главврач, он был в чине генерала, приносил из дома 8 — 10 икринок кеты, давал мне по одной и следил, чтобы я глотала. И я немножко помогала, когда делали операции — раненым вставляли горло или делали нос...

У меня диплом Ленинградского индустриального техникума Министерства трудовых резервов СССР по специальности техника-технолога, мастера производственного обучения. Получила направление в Хабаровск. Потом перевелась работать на завод №83».

«алентина Александровна преодолела череду типовых отказов, чтобы ее признали нуждающейся в улучшении жилищных условий, — рассказала юриконсульт нашей горячей линии «36 квадратных метров» Татьяна Смирнова. — Но, мужественно пройдя через все чиновничьи преграды, стала счастливым новоселом».